

ранее начала XVI столетия. Недаром она не была известна редактору Хронографа 1512 года, который еще не имел под руками письменного памятника о событиях 1453 года и ограничился поэтому общими фразами, ссылками на предыдущие главы своего Хронографа и лирическим плачем. Наша повесть, занесенная впервые на страницы Хронографа московской его редакции 1533 года (по Шахматову), явилась не позднее, разумеется, этого года в том виде, в каком мы ее читаем (приблизительно между 1512 и 1533 годами). Но, судя по тексту ее, связанному с именем Нестора Искандера, хронографический текст не был первоначальным, а явился обработкой старшего. Как будет показано ниже, в нем отсутствует ряд мест, находящихся в тексте с именем Искандера, принадлежащих несомненно первоначальной редакции повести, притом восходящих в свою очередь к предположенному нами тексту извлечения из записок самого Искандера. Но и единственный нам известный текст, сохранивший послесловие с именем Искандера, также не может быть сочтен представляющим вполне первоначальный текст повести: 1) в нем не находим некоторых (правда, немногих) мест, читаемых в хронографическом тексте и восходящих к первоначальному тексту повести; 2) текст искандеровский осложнен вставкой из апокрифических видений Даниила и лирическим добавлением компилятора в конце статьи; 3) дошел этот текст в составе комплекса (ему предшествует сказание о построении Царьграда Константином)—явление уже вторичное. Но оба текста по чтением на значительном пространстве совпадают, что подтверждает их общее происхождение и позволяет смотреть на них, как на позднейшие изменения первоначального текста. Это же совпадение обоих текстов в свою очередь заставляет предполагать, что свою форму воинской повесть получила еще в первоначальном виде.

Итак, обратимся к рассмотрению нашей повести, воинской по жанру, руководясь обоими текстами, дополняющими друг друга.

Русская воинская повесть в конце XV и особенно в первом десятилетии XVI века приобретает некоторые новые черты под пером писателей, близких к правящим кругам. Воинские героические сцены, точные в деталях, нередко мастерски разработанные и полные неподдельного драматизма и пафоса, сочетаются с отчетливо выраженной публицистической тенденцией. Большое внимание уделяют авторы этой поры обрисовке личности государей-военачальников, нередко придают своим произведениям отчетливую религиозно-лирическую окраску (лирические молитвы, плачи, знамения). Наконец, не довольствуясь фактической исторической основой, авторы повестей не раз обращаются к литературным источникам и образам предшествующих столетий.

Все эти признаки могут быть отмечены и в интересующей нас пространной повести о взятии Царьграда.

Составителю свойственна религиозно-провиденциальная точка зрения на смысл и значение исторических событий. Всё предусмотрено и предрешено волей божией и является результатом действий этой воли в отношении к людям: то это награда за богоугодное житие и поступки, то наказание за грехи.¹ По отношению к греческому государству и его

¹ Эта мысль, как мы знаем, входит в русскую официальную церковную и правительственную идеологию XV—XVI веков. За верность православию, сохранение его в чистоте Москва находится под особым покровительством свыше, что внешним образом и обнаруживается в политическом росте Московского государства. Та же мысль проходит и во многих повестях: Дмитрий Донской победил Мамаю, получив эту победу в вознаграждение за усердие к православию вере и свое благочестие.